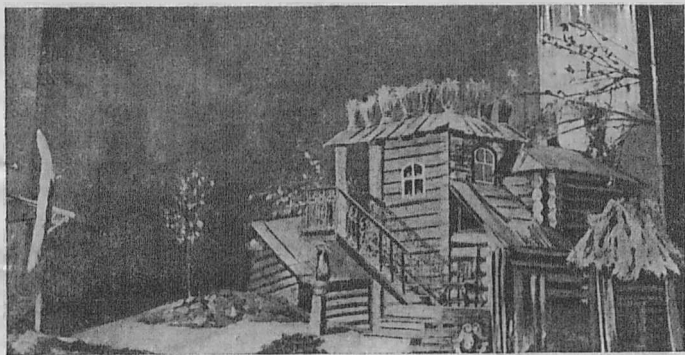

„Недоросль“
в Ленинградском Трампе.

А производство работает непрерывно, приходит зритель; он не ждет и требует новой продукции.

В таких условиях рождаются два чувства по отношению к своей работе: ненависть и любовь.

Ненависть заставляет бежать прочь и искать выхода в других театральные системы, любовь — цепляется за старое и утверждает ошибки.

Конечно, исправлять ошибки, учиться можно и нужно у старых театральные систем, у больших мастеров современности. Можно даже привлечь непосредственно в свои ряды представителей той или иной театральной системы, но решение вопроса все же будет лежать в непосредственной активной творческой практике, на основе понимания конкретных текущих задач и освоения пройденного исторического этапа.

Вот этого понимания и осмысления своей прежней положительной практики и не хватало Лентраму.

Новое мироощущение молодого подымающегося класса лежало в основе работ Трампа. Это оно наполняло спектакли Трампа безудержной, веселой, радостной лирикой, комсомольским большевистским задором!

Недаром поспешная критика заговорила о своеобразном «трамповском» стиле «бодрых» спектаклей, стиле, который довольно быстро сделался достоянием всех профтеатров, превратившись в своеобразный штамп, с которым не в силах была выдержать борьбу даже всепокоряющая мхатовская система.

О комсомольском задоре трамповских спектаклей критика писала много; совсем не писала она о том новом содержании, которое внесли трамповские спектакли.

Правда, критика писала о «диалектической форме», о «наплывах», о музыке, о декорациях, о свете, о ритме трамповских спектаклей. Но когда дело касалось тематики, когда дело шло о комсомольских характерах, критика стыдливо молчала, не разрабатывая этого вопроса, к сожалению, и сам Трамп.

А между тем на протяжении своей работы Трамп выдвинул ряд проблем, продолжающих и до сего времени бытовать в профессиональной драматургии, выдвинул галерею образов и характеров, и сегодня еще не сходящих со сцены.

Вот тема борьбы комсомольского коллектива за своего ошибающегося, попадающего под чуждое влияние товарища.

Через эпоху гражданской войны («Зорька») к восстановительному периоду («Будни» и «Мещанка») и дальше к реконструктивному периоду («Плавятся дни» и «Клеш задумчивый») вплоть до наших дней эта тема красной нитью проходит через весь репертуар Трампа.

Рождаются комсомольские образы хороших, но ошибающихся ребят; им противостоят крепкие, закаленные в работе комсомольцы-большевики; между ними треплются любимцы публики — чудаковатые простачки-комсомольцы.

Вот тема борьбы старого сознания с новым, старых собственнических инстинктов с новым, социалистическим отношением к труду и жизни. В «Клеше задумчивом», в «Целине», в «Прими бой» эта те-

друг другом. Приход к нам в театр режиссеров Судачкова, Хмелева, Баталова положил начало работе, в результате которой был уничтожен разрыв между актером и зрителем, о котором я говорил выше, и заполнились пустоты, имевшиеся в моей работе над ролью, нужным, необходимым и обязательным для каждого актера материалом, который я прежде вынужден был заменять интуицией и мышечным напряжением при холодном и пассивном состоянии моего нутра.

Пьеса, которой суждено было стать поворотным шагом нашей работы, была не лучшей и даже не полноценной, ибо не везде правдиво, жизненно и реально отобразил автор будни нашей сегодняшней молодежи. Подчас надуманно даны образы и конфликты, не доведены до логического конца. Мы взяли эту пьесу как конкретный материал, на котором режиссеры должны были привить актерам основные элементы театральной грамоты, чего как раз нам, при нашем крепком политическом уровне, очень и очень не хватало. В этом спектакле мы работали над образом, базирываясь не на вымысле и интуиции, а исходя из критического овладения старым культурным наследием и в частности театральной культурой МХТ.

Мне поручили работать над образом Антона Шметелюка, бригадира ударной бригады по укладке бетона на строитель-

стве. Сначала я испугался такой большой и сложной роли. Однако надо было приступить к работе. С первых же занятий с И. Я. Судачковым, Н. П. Хмелевым и Н. П. Баталовым между нами и ними установилась небывалая доселе деловая спайка и высокая дисциплина, объединившая нас всех и мобилизовавшая на выполнение задания МК комсомолу дать премьеру высокого качества и сработать ее в минимальный срок к мировой олимпиаде рабочих театров.

Разбившись по бригадам, по картинам и закрепив за каждым определенное, отвечающее за работу группы режиссера, стали заниматься у мхатовцев на квартирах и в Доме комсомолу на Красной Пресне, где шум окружавшей нас молодежи подчас не только мешал работать, но и срывал репетиции. В первые две недели мы проводили общие занятия. Мхатовцы просмотрели наши очередные спектакли на зрителе, разбирали отдельные куски на репетиции, причем после обсуждения и практического разбора тут же показали нам, как можно тот же материал, который мы подаем, при условии грамотной актерской его организации, сделать более выразительным. С каждым днем мы все ближе и ближе подходили к основным вопросам работы над ролью через эти практические репетиции, а также и через лекции, которые проводились режиссерами по всем вопро-

сам мхатовской системы работы над пьесой «Девушки нашей страны».

Первую наметку, разбор роли и взаимоотношений Шметелюка с другими действующими лицами провел со мной И. Я. Судачков. Он очень просто, толково и без лишнего слов помог мне нащупать основные зернущие правды, из которых вырастают правильное взаимоотношение с партнером, правильные определения физической линии действия в куске, акте и в роли в целом, а также правильный выбор и понимание задач в каждом куске роли. Илья Яковлевич разобрал все общие задачи моего действия на мелкие простые физические задачи, которые я в себе углублял, расширял до максимума, делая это вне репетиций, на ходу, в трамвае, поезде и т. п., ибо дома заниматься не хватает времени. Наконец, в совокупности всех этих элементов начальной работы над ролью я стал приобретать какое-то большое сосредоточенное отношение и внимание к объекту моего чувства. В отличие от прошлых моих работ в данном случае это было настоящее чувство, которым я жил в каждом отдельном куске. Это правильно осознанное понимание задачи в каждом отдельном случае приводило меня в теплое внутренне-согласное состояние верно живущего человека, волнующегося и действующего не словами и руками, а всем своим существом, существом человека,